

Состояние театральной и музыкальной критики в Казахстане неоднократно обсуждалось на различных совещаниях, пленумах творческих союзов, в печати. Всякий раз искусствоведы упрекали в том, что они недостаточно глубоко и оперативно вникают в сегодняшнюю жизнь театров, концертных организаций, мало пишут об актуальных проблемах казахского искусства. Сегодня эти упреки можно было бы повторить. Почему же критики не реагируют на критику? Попробуем найти ответ на этот вопрос, обратившись к конкретному опыту искусствоведа, связанного по профилю своей специализации с Казахским академическим театром оперы и балета имени Абая.

Начать придется с конфликтной ситуации. Балетмейстер Д. Абиров написал на имя президента Академии наук Казахской ССР письмо-рецензию на готовящуюся к изданию монографию кандидата искусствоведения Л. Сарыновой «Казахский балет». Абиров решительно обвинил автора монографии в профессиональной некомпетентности, незнании материала, в искажении фактов. Для доказательства приводились цитаты из диссертации Сарыновой, которая легла в основу монографии.

И в диссертации, и в монографии Сарыновой впервые делается попытка обобщить историю хореографического искусства республики, осмыслить позитивные и негативные стороны творческого поиска в национальном балете.

Надо заметить, что у Сарыновой есть полное право говорить на эту тему. Она окончила Алма-Атинское хореографическое училище, высшее филологическое образование получила в Казахском государственном университете. В аспирантуре по хореографии занималась в Ленинграде под руководством Ю. Слонимского. После защиты диссертации Сарынова более десяти лет работает в Институте литературы и искусства Академии наук Казахской ССР, занимается постоянно вопросами хореографии. Автор обвинительного письма Д. Абиров, заслуженный деятель искусств Казахской ССР, балетмейстер, драматург, много лет работает в Казахском академическом театре оперы и балета имени Абая.

Разбор конфликтной ситуации был поручен руководителям Института литературы и искусства. Несколько лет назад монография «Казахский балет» обсуждалась в отделе музыкального искусства. Пришлось поднять материалы этого обсуждения, отзывы Московского института истории искусств, рецензию Б. Аюханова, народного артиста Казахской ССР. Перечитали диссертацию, монографию. В результате пришли к выводу, что критика Абирова, мягко выражаясь, недостаточно объективна и основательна. Цитаты, подерганные из диссертации, переписаны неточно, толкуются произвольно.

Незадолго до того, как было написано это письмо в академию, Абиров грозился подать на Сарынову в суд. Его не устраивала рецензия на спектакль «Козы-Корпеш и Баян-Слуу», которая была опубликована в республиканской «Литературной газете». «Анализируя новую работу драматурга и балетмейстера Абирова, где далеко не

и завтра казахского балета» Сарынова выступила несколько лет назад на страницах республиканской партийной газеты «Казахстанская правда», где пыталась разобраться, почему большая часть балетных спектаклей, созданных в Республиканском театре оперы и ба-

Театра оперы и балета имени Абая, Сарынову пригласили на заседание коллегии Министерства культуры Казахской ССР, где она выступила с докладом о состоянии хореографического искусства в республике, явно не юбилейным. Сарынова говорила, в частности: «Репер-

сдания расширенной коллегии Министерства культуры Казахской ССР. Он заявил, что Театр оперы и балета нуждается в рекламе, пропаганде.

Логично в создавшейся обстановке было созвать консилиум музыковедов, искусствоведов, как созывают врачей у постели больного, чтобы поставить точный диагноз, определить курс лечения. Но никто их не собирал, чтобы поделиться тревогами по поводу создавшегося в единственном театре республики положения.

В художественном совете Казахского театра оперы и балета нет ни одного искусствоведа. По собственному почину на заседании совета «ломаются» немногие. Их мнения не спрашивают — они молчат. В институте выступления сотрудников в периодической печати никак не поощряются, критические даже не одобряются, потому как от них одни неприятности. Ту же Сарынову дружески урезонивали: «Ну зачем вам это надо? Делайте спокойно плановые темы».

При этом забывают, что ученый растет на активных связях с творческими коллективами, на публичных выступлениях по актуальным проблемам искусства. Этим, наконец, приобретаются известность, авторитет. Широкому читателю не только местных, но и центральных газет, журналов известны имена казахских театроведов, сотрудников института Л. Богатенковой, Б. Кундакбаева. Они являются членами Театрального общества, членами художественных советов республиканских драматических театров, коллективов сильных, интересных. Их опыт следовало бы обобщать, поощрять, использовать в процессе выступления молодых научных сотрудников. Пока в этом направлении, к сожалению, мало что делается. Институт литературы и искусства во всяком случае по проблемам искусства, после постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» не совершил поворота к сегодняшнему дню, не приложил нужных усилий для осуществления тесной связи науки с практикой. Совет по музыке и хореографии, созданный при Министерстве культуры Казахской ССР, пока не оправдал надежд, на него возлагаемых. По-прежнему состояние театральной и музыкальной критики в Казахстане с полным основанием может стать предметом тревожного разговора.

Главные проблемы развития искусства республики, театрально-музыкальной критики должны решаться при деятельном участии Института литературы и искусства Академии наук Казахской ССР. Силы профессиональных критиков-искусствоведов следует использовать более заинтересованно, эффективно, с уважительным доверием.

В. МАРИЧЕВА,
наш соб. корр.

АЛМА-АТА.

РЕЦЕНЗИЯ? ТОЛЬКО ХВАЛЕБНАЯ!

все безупречно, проще простого было бы ограничиться перечислением ошибок и недостатков... Гораздо труднее, но важнее, на мой взгляд, выделить в новом произведении те характеризующие его тенденции, те качества, которые могут обогатить современный казахский балет». Эти тенденции рецензент и проследивает в работе композитора, артистов, драматурга, балетмейстера. Однако Сарынова не могла не сказать о том, что настораживает: «В хореографическом воплощении яркой казахской легенды хотелось бы видеть больше образной конкретности танцевальных решений... В оригинальном национальном спектакле следовало активнее искать новые средства выразительности, а не повторять композиции музейных спектаклей (адажно Баян и женихов очень уж напоминает адажно Авроры из «Спящей красавицы»)».

Вот по поводу этого Абирова и схватился за авторучку: «Подать в суд». Но, как известно, для возбуждения судебного дела необходимо установить состав преступления, привести неопровержимые доказательства виновности обвиняемого. Абиров не подал на Сарынову в суд, а просто взял и написал письмо в академию. Он знал, что будет разбирательство, что «обидчице» крепко потреплют нервы. Вероятно, ставилась и профилактическая задача: пускай и Сарыновой в другой раз будет недовадно кричать, да и другим тоже.

Я перечитала статьи Сарыновой, опубликованные в газетах и журналах. По ним видно, как заинтересованно следит искусствовед за процессами в хореографическом искусстве республики. Сарынова, что говорится, стояла у колыбели молодого балета, ходила на репетиции, на концерты, первая выступила в печати с профессиональной оценкой плодотворных творческих поисков молодого коллектива.

С наиболее серьезной аналитической статьей «Сегодня

лет, получается заурядными, не обретает сценического долголетия. Она говорила о том, что на протяжении многих лет из спектакля в спектакль переносятся заученные танцевальные композиции, элементарные движения классического танца, что на сцене казахского театра нет национального классического спектакля ни на историческую тему, ни на современную. Автор статьи обращала внимание на недостаточно высокий художественный уровень постановок, исполнения, на плохую подготовку артистов в Алма-Атинском хореографическом училище.

Статья «Сегодня и завтра казахского балета» обсуждалась в театре на открытом партийном собрании. Факты, как говорится, подтвердились. Никто не возражал ни по существу статьи, ни по частностям. Говорили: правильно, своевременно, следует принять меры. Но именно после этой статьи, как заметила Сарынова, в театре к ней стали относиться настороженно, даже перестали приглашать на премьеры. Перешагнув через личные обиды, Сарынова являлась без приглашения — она единственный в республике кандидат искусствоведения, защитивший диссертацию по хореографии. В театре — ее работа, которой она себя посвятила, за которую, наконец, несет профессиональную ответственность. После каждого спектакля Сарынова высказывала свои соображения, замечания и балетмейстеру, и исполнителям, советовала, подсказывала, доказывала. В печати в последнее время Сарынова стала выступать очень редко и... осторожно. Свою новую тактику она оправдывала стремлением установить более тесные и добрые отношения с театром, желанием помочь в рабочем порядке, в совместном труде. Ей казалось, что каждодневные откровенные беседы могут иметь больше пользы, чем публичные выступления. Один раз, в канун 40-летия

туар казахского балета беден, безлик. Из года в год идут одни и те же спектакли, время от времени обновляемые и возобновляемые приезжими балетмейстерами, нередко людьми случайными. На сцене казахского театра до сих пор нет ни одного национального балета на современную тему».

В докладе остро ставился вопрос о форме национального балета, о необходимости связей с театрами балета братских республик. И особо о все еще низком уровне исполнительства, о необходимости постоянной учебы артистов балета — профессиональной, теоретической, эстетической.

Неблагополучная творческая обстановка в театре сложилась не за один год. Музыковедов, искусствоведов можно и должно винить в том, что они молчали, не поднимали тревогу. В Институте литературы и искусства отдел музыкального искусства — один из самых крупных, сильных. Почти все его сотрудники — члены Союза композиторов, авторы теоретических исследований в области музыки, высококвалифицированные специалисты. Между тем за последние три года ни один кандидат искусствоведения не выступал в печати по проблемам оперы и балета.

Реакция балетмейстера Абирова на критические замечания в печати объясняется не только индивидуальными чертами его характера, но и этой «атмосферой», нетерпимым отношением руководителей театра к критикам и критике. Здесь почти искренне верят, что лучшим лекарством от всех бед может быть только рецензия хвалебная. Стоит в печати расхвалить средний, даже плохой спектакль, и зритель побежит в театр, и вообще все устроится.

Недавно эту точку зрения еще раз всенародно провозгласил директор театра Б. Шалабаев с трибуны за-